

...Скорю, как говорят, я сниму погоны
и стану просто одной звездой.

Иосиф Бродский

Бродский, господа!

Видимо, действительно настало время поговорить о Бродском. Самая очевидная причина заключается в том, что Бродского в информационном пространстве стало слишком много. Складывается такое ощущение, что, кроме Бродского, вокруг вообще ничего не осталось. Если я сталкиваюсь с молодым (или немолодым) поэтом, то, как правило, его литературным и жизненным ориентиром оказывается Бродский. И, наверно, это неспроста.

В рекламе регулярной Красноярской ярмарки книжной культуры (крякк), организуемой Фондом культурных инициатив Михаила Прохорова, фигурируют четыре персонажа: Булгаков, Пушкин, Достоевский, Бродский. Достоевского можно даже выкинуть:

Очевидно, что подобная реклама отражает и одновременно закрепляет определённое представление о русской литературе, о том, какие авторы в ней являются ключевыми, что в ней является самым важным. Каждый из указанных персонажей символизирует определённую эпоху: Пушкин — начало девятнадцатого века, Достоевский — вторую половину девятнадцатого века, Булгаков — первую половину двадцатого века, Бродский — вторую половину двадцатого века.

Не менее очевидно, что последние три автора выпячены литературным истеблишментом не за что-нибудь, а именно за их антиреволюционность. Во всяком случае, именно в этом качестве нам стремятся их преподнести. Насколько примитивен и несправедлив такой подход к Булгакову, разговор уже был. Настало время поговорить о Бродском.

Мода на Бродского стала всероссийской относительно недавно. В восьмидесятые больше говорили о Пушкине, в девяностые — о Булгакове. Примерно с нулевых имя Бродского стало понекому навязать в ушах.

Недавно на тему Бродского «прорвало» даже журналиста Константина Сёмина и ролевика-реконструктора Клима Жукова¹. И хотя Сёмин сам сознаётся: «Нас трудно назвать специалистами

в области литературы», — но его с Жуковым можно понять. Наболело.

Сёмин констатирует: «Появляются граффити, появляются музеи, появляются экскурсионные программы и так далее и тому подобное. То есть это то, что становится частью нашего сегодняшнего. ... ну, что ли, образовательного минимума». А Жуков добавляет: «У нас в Питере даже есть кафе, которое называется „Бутер-Бродский“». Далее Сёмин приводит внушительную подборку видеоситат, в которой различные официозные медийные персоны, деятели масскульта восхваляют Бродского. Можно говорить уже о настоящем культе личности — личности Бродского.

К этому можно ещё много чего прибавить. Например, профессор кафедры истории русской литературы мгу Андрей Ранчин ещё в 2006 году говорил о «литературной канонизации Бродского» как о явлении исключительном, поскольку Бродский стал «единственным современным русским поэтом, уже удостоенным почётного титула классика». Его персоне посвящено колоссальное количество мемуарных текстов и всевозможных конференций.

В 2015 году в деревне Норинской, где поэт отбыл ссылку, восстановили избу, в которой он жил, и открыли в ней музей. В том же году была издана объёмная антология стихотворных и прозаических посвящений Бродскому, в которую вошли произведения почти двухсот отечественных и зарубежных авторов. В вышедшем в 2018 году художественном фильме о Довлатове Бродский сделался одним из главных героев. О Бродском снято свыше тридцати документальных фильмов. И так далее и тому подобное.

Критик Михаил Берг утверждает, что Бродского постигла «неизбежная, по крайней мере у нас в России, канонизация. То есть то упрощение восприятия, когда вместо сложного и прекрасного именно своей противоречивостью появляется грубо раскрашенная схема, памятник, которым, конечно, куда проще манипулировать. Его легче поставить визави или обнять (увы, он уже не

1. Бродский. Великая Посредственность // По-живому.
<https://www.youtube.com/watch?v=RCuOWFCdfdi>
Далее цитаты из этого ролика.

запротестует), на памятник можно опереться, а на его пьедестале нетрудно отыскать место и для себя»².

Поэтому вполне уместно рассматривать Бродского как культурный феномен. Более того, этот культурный феномен, масскультурный образ Бродского фактически подмял под себя реальные биографию и творчество поэта.

Не слабый, а неровный поэт

На сфабрикованность, сделанность фигуры Бродского, надо отдать им должное, обратили внимание и Семин с Жуковым.

Сперва они разбирают некоторые произведения Бродского и обнаруживают у него массу поэтических ляпов и ошибок. И приходят к заключению, что Бродский — поэт довольно слабый. Но, заявляя: «Тут не нужно специализироваться. Если человек закончил среднюю школу с оценкой по русскому языку больше чем „три“, он будет иметь что сказать», — господа «левые» блогеры ставят себя в уязвимую позицию, поскольку всякий обожатель Бродского с лёгкостью парирует их заявления ссылкой на то, что Жуков и Семин не профессиональные литературоведы и лишь воспроизводят логику советского суда над Бродским, где свидетелями со стороны обвинения также выступали люди, далёкие от литературы.

Да и я, как литературовед, могу сказать, что их разбор выглядит крайне односторонним. Дело в том, что Бродский не слабый, а неровный поэт. У него правда есть немало вульгарных, беспомощных и откровенно занудных строк и произведений. Свидетельством этому — тот факт, что Бродский при исполнении своих стихов часто сбивался, путал слова и пропускал целые строчки. Стало быть, его стихи не были той песней, из которой слова не выкинешь.

Чего стоит хотя бы хрестоматийное «Как медленно душа заботится о новых переменах...», где слово «новых» совершенно излишне, граничит с тавтологией (разве бывают старые перемены?) и лишь выполняет роль растягивания строки до нужного размера. Встречается у него и вульгарная рифма, вроде «молчит — кричит».

Даже восторженные апологеты Бродского вынуждены сквозь зубы признавать, что «скоростью вращения словесной массы» поэт дорожил «больше, чем тяжестью отдельного слова», что сюжет, особенно в крупных вещах, у него не дружит с логикой³.

Но есть ведь у Бродского и произведения яркие и талантливые. Разве не замечательно звучит:

Еврейское кладбище около Ленинграда.

Кривой забор из гнилой фанеры.

За кривым забором лежат рядом

юристы, торговцы, музыканты, революционеры.

Для себя пели.

Для себя копили.

Для других умирали.

Авторская мысль, конечно, лукава: поставить в один ряд торговцев и революционеров и приписать первым добродетель последних; но сказано-то красиво — ничего не попишешь.

А то эдак ведь можно и у Пушкина собрать некоторые нецензурные цитаты, поэтические пустяки, не предназначавшиеся для печати, и заявить, что таково и есть литературное лицо нашего классика.

Я бы предъявил Бродскому иную претензию. Подняться на уровень истинно высокой поэзии его творчеству не позволяет то, что при вычурности и даже переусложнённости метафор и оборотов мысль, в них содержащаяся, слишком часто оказывается плоской и банальной.

Возьмём для примера стихотворение «1 января 1965 года». Вот строки:

...задув свечу, пред тем как лечь.

Поскольку больше дней, чем свеч,
сулит нам календарь.

Расшифровав, получим: поскольку дней в нашей жизни больше, чем свеч (и почему и то, и другое нам должен сулить календарь?), то свечу перед сном стоит гасить. Автор потратил три строки на призыв к экономии свечей. Прекрасно. Читаем далее:

И, взгляд подняв свой к небесам,
ты вдруг почувствуешь, что сам —
чистосердечный дар.

Расшифровка: человек — это подарок неба. Подарок кому? И почему чистосердечный? Бывает ещё и нечистосердечный подарок небес? Стоила ли эта мысль того, чтобы выносить её в финал стихотворения?

Аналогичную проблему я отмечал у Боба Дилана и Гребенщикова, хотя хронологически Бродский, конечно, пришёл к этому раньше. Но и Бродский не был первооткрывателем.

Такой же изъясн отмечал Брюсов у символистов: «Я вовсе не прочь читать между строк. Но я требую, чтобы затаённое там действительно стоило того, чтобы его прочесть. Сколько я ни знаю символических произведений, в них „между строк“ можно вычитать только такие изречения мудрости, как: „Красота оправдывает всё“, „Истина, не оживлённая чувством, бессильна“, „Любовь искупает всякий грех и возвращает душе невинность“, „Художнику, унизившему свой божественный дар ради земных выгод, нет другой надежды, кроме нирваны“ и т. д. и т. д. Почему подобные афоризмы

.....

2. Берг М. Другой Бродский. <http://mberg.net/rbr/>

3. См. Лурье С. Свобода последнего слова // *Бродский И. Письма римскому другу*. СПб.: Азбука, 2011. С. 6.

были бы признаны банальностями в книге философа и почитаются откровениями, когда их надо выудить из драмы? Если уж поэтическому произведению таить в себе второе, тайное содержание, то пусть оно будет на уровне современной мысли, на уровне современной философии и науки!»⁴

Путь расшифровки текстов Бродского зачастую тоже не стоит того, чтобы быть пройденным, ибо в финале нас не ожидает никаких откровений. Именно поэтому подобная поэзия рассчитана на *поверхностного и непытливого* читателя.

Бродский в качестве символа

Однако со следующим выводом Жукова можно согласиться: «Никак не выйдет отнять от творчества Бродского формальную составляющую сущности его фигуры. Потому что [если] не было бы некоего политического скандала, некой политической фронды — никогда не было бы Бродского в том виде, в каком мы его знаем».

«Эта биография и эти реальные политические обстоятельства оказались для того, чем должен был стать Бродский для нас всех, гораздо более важным. Контекст оказался важнее собственно подтекста. Исторический, политический контекст оказался важнее содержания», — добавляет Семин.

Присовокупим сюда свидетельства главного биографа поэта Льва Лосева⁵, а также литературоведа Валентины Полухиной⁶ о том, что Бродский был воспринят в англоязычном мире как публицист, а не как поэт. Западные критики более чем холодно отнеслись и к его англоязычным стихам, и к его переводам на английский язык собственных русскоязычных стихов.

Действительно, большинству его популяризаторов глубоко плевать на действительное качество тех или иных творений поэта, поскольку он интересен масскульту в качестве символа. И фундаментом этому символу служат, конечно же, организованный властями СССР процесс против Бродского, полтора года ссылки и эмиграция. Не будь всего этого, интерес к Бродскому был бы крайне незначительным. Причём «друзья» Бродского настаивают на его антисоветизме ещё яростнее, чем обвинители на его процессе.

Выражая свою любовь к Бродскому, Чубайс подчёркивает его «несоветскость», банкир Пётр Авен — что Бродский помогал «отбросить то, что считалось необходимым и неизбежным для большей части советской литературы», Леонид Парфёнов — что «Бродский рос... несоветским поэтом. Даже вопроса не стояло: он не считал советскую поэзию за стихи». При этом Бродский оказывается для многих ораторов лишь поводом, чтобы поведать о «красном терроре и чекистском истреблении»⁷.

Вот и историк литературы Самуил Лурье начинает своё эссе о Бродском не с чего-нибудь, а именно с фактов суда и преследования поэта⁸.

Первым делом он отмечает «слово „тунеядец“ в судебном приговоре и судебных фельетонах» на том основании, что «к моменту вынужденного отъезда Бродского за границу (1972) основной корпус собрания его стихотворений уже состоял не менее чем из тысячи страниц». Но, простите, если опираться *исключительно* на количество написанного, то придётся в литературные труженики записывать всякого графомана.

Следом Лурье объявляет, что причиной травли Бродского являлось то, что он писал «волшебные» стихи. И тут уж гонители Бродского (кстати, кто это: всё советское общество, советская власть, некоторая группировка во власти?) превращаются критиком в каких-то карикатурных бармалеев, ненавидящих всё прекрасное. Но если советское общество — это такое царство Карабаса-Барабаса, намеренно уничтожающее всё талантливое, тогда придётся признать всех публиковавшихся, обласканных властью и любимых читателями писателей бездарностями.

Придётся спустить собак на Маяковского, Шолохова, Евтушенко, Вознесенского, Окуджаву и ещё многих и многих. А чем подобное литературное судилище будет лучше того, которое было учинено над Бродским? Наши либералы лишь наизнанку воспроизводят «тоталитарную» логику, против которой якобы восстают. Их руки тянутся к тому же самому кнуту, которым в «Мастере и Маргарите» орудовал критик Латунский.

Права была Анна Ахматова, когда сказала по поводу суда над Бродским: «Какую биографию делают нашему рыжему! Как будто он кого-то нарочно нанял»⁹. Действительно, биография Бродского перевесила его творчество.

Может быть, потому он в последние годы жизни и выступал против написания его биографии и в том числе против сведения его личности к диссидентству. «Они [биографии] низводят литературу до уровня политической реальности. Вольно или невольно (надеюсь, что невольно) Вы упрощаете для читателя представление о моей милости. Вы — уже простите за резкость тона — грабите читателя (как, впрочем, и автора). А, — скажет французик из Бордо, — всё понятно. Диссидент. За это ему Нобеля и дали эти шведы-антисоветчики.

.....

4. Брюсов В. Карл V // Брюсов В. Собрание сочинений в 7 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1975. С. 125.

5. См. Лосев Л. В. Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии. М.: Молодая гвардия, 2008.

6. Полухина В. Литературное восприятие Бродского в Англии. <http://www.stosvet.net/9/polukhina/>

7. Видеоцитаты приводятся в ролике Жукова и Семина.

8. См. Лурье С. Указ. соч.

9. Цит. по: Найман А. Г. Рассказы о Анне Ахматовой. М.: Художественная литература, 1989. С. 10.

И „Стихотворения“ “покупать не станет...” — замечал Бродский в одном из писем.

«Вся страна сейчас снимает сериалы, ставит спектакли, носит цветы, сдает экзамены в школе и при поступлении в университет человеку, который эту страну дерьмом поливал с первой до последней минуты своей жизни фактически», — резюмирует Сёмин и в этом стремлении поскорее подвести черту уподобляется тому самому французике из Бордо.

Сёмин в очередной раз демонстрирует позорнейшую для левого, для марксиста недиалектичность мышления, поскольку стремится видеть в живом человеке некую константу, нечто запрограммированное, неизменное, в то время как диалектика учит нас видеть вещи в развитии.

Даже любимый Сёминым Сталин, коего он защищает от нападков Бродского, умел, когда надо, более взвешенно смотреть на своих политических противников. Выступая на мартовском пленуме 1937 (!) года, он говорил: «Нельзя стричь всех под одну гребёнку...»¹⁰

Сёмин и иже с ним, конечно, возразят, что определённая «запрограммированность» личности есть, ибо «бытие определяет сознание». Но в том-то и дело, что и само бытие тоже диалектично и подвержено изменениям. Эпоха, обстоятельства меняются у нас на глазах, да и самому Бродскому пришлось неоднократно менять своё бытие, перемещаясь между столицей и глубинкой, наконец, оказавшись в роли эмигранта.

Бродский как жертва

Начнём с того, что в ранних (досудебных) стихах Бродского прямая критика советской власти отсутствовала, и с этим согласен Лев Лосев. Да, в этих стихах могло быть слишком много пессимизма и индивидуализма, больше, чем было принято в официальном советском искусстве, но антисоветизмом это назвать нельзя. Если уж на то пошло, то и сам Сёмин, будучи ярким сталинистом, смотрит на хрущёвский СССР с большим пессимизмом, чем официальное «оттепельное» искусство.

Итак, не будем торопиться «с первой минуты» записывать Бродского в антисоветчики и тем самым целиком отдавать его противоположному лагерю. Постараемся бегло просмотреть его биографию и вычленил наиболее показательные и существенные элементы.

.....

10. Сталин И. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Цит. по: Роговин В. 1937. http://www.trst.narod.ru/rogovin/t4/xxxiv.htm#ftn_21

11. См. Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. <http://lib.ru/BRODSKI/wolkow.txt>

12. Рождество: точка отсчёта. Беседа Иосифа Бродского с Петром Вайлем. <http://noblit.ru/node/1124>

С одной стороны, имеется свидетельство о том, что Бродский в 1960 году обсуждал с приятелем идею захвата самолёта с целью вылета за границу, а также пытался передать случайному американцу рукопись другого своего приятеля. Трудно судить, насколько серьёзно это свидетельство, тем более что задержавшее в связи с этим Бродского КГБ отпустило юношу через двое суток. Думается, что здесь главную роль всё-таки играли «друзья», а не будущий поэт.

Пожалуй, сильнее всего с режимом его могли посорить вышедшая в 1963 году статья «Окололитературный трутень» и последовавший суд. Даже не приговор и наказание, а сам характер выдвинутых обвинений.

Статья в «Вечернем Ленинграде», подписанная Я. Лернером и ещё двумя штатными сотрудниками газеты, обвиняла Бродского в «формализме», «упадочничестве» и «паразитическом образе жизни». При этом авторы подошли к делу неряшливо, если не сказать — нечистоплотно: перепутали (или подкинули) некоторые стихотворные цитаты, приписали самому автору слова его персонажа, исказили некоторые слова и т. д. Такое кого угодно обозлит.

Суд вынес максимально строгий по статье о тунеядстве приговор — пять лет принудительного труда в отдалённой местности. Зачем всё это было нужно? К этому мы ещё вернёмся. Пока отмечу, что даже суд и приговор не то чтобы сразу посорили Бродского с отечеством. Впоследствии он вспоминал, что ссылка оказалась одним «из лучших периодов» его жизни, «бывали и не хуже, но лучше — пожалуй, не было». Здесь у поэта было достаточно времени для уединённых раздумий и даже для творчества.

Трудился в ссылке Бродский старательно, не смотря на проблемы с сердцем. Надо сказать, что жизнь он всё-таки «повидал», чего нельзя сказать о большинстве его поклонников. И лентяем он отнюдь не был: умел работать интеллектуально и физически. В ссылке он пробыл всего полтора года благодаря поднявшейся международной кампании защиты, в которой принял участие сам Жан-Поль Сартр. Так что, ещё не будучи, по собственному признанию, «поэтом никакого ранга»¹¹, в Ленинград он вернулся уже знаменитым.

Да ради такой славы многие поэты были бы готовы и дольше пробыть в Архангельской области. Сам поэт в беседе с Петром Вайлем отмечал: «Мне наплевать, я-то считаю, что я вообще всё это заслужил»¹².

Бродский сделался чрезвычайно популярен, им стали активно интересоваться на Западе, брать интервью, приглашать на всякие мероприятия, но власти не спешили выпускать Бродского за рубеж. Понятно, что там интересовались им исключительно как жертвой показательного процесса. Это не могло не бить по самолюбию поэта.

Бродскому не нравилось, что ему создают образ борца с советской властью, что его творчество оказывается в тени этого образа. Поэтому Бродский периодически на протяжении своей жизни восставал против такой политической трактовки своей персоны. Как-то в беседе с Соломоном Волковым он заявил: «Мне повезло во всех отношениях. Другим людям доставалось гораздо больше, приходилось гораздо тяжелее, чем мне».

Вообще, беседы с Волковым достаточно показательны: Волков всячески возвеличивает Бродского и подталкивает его к осуждению советского строя как «бульдозера», подминавшего «под себя всё независимое, творческое, свободолюбивое». В ответ на это Бродский бросает: «Я-то считаю, что я вообще всё это заслужил» и «Я отказываюсь всё это драматизировать!»

Эмиграция, слава, деньги

Из ссылки Бродский был возвращён досрочно, но уже в 1972 году органы предложили ему немедленно эмигрировать, а в случае отказа пригрозили «горячими денёчками». Итак, Бродский эмигрировал не по своей инициативе, а по принуждению, и, даже выбрав эмиграцию, он всё же старался оттянуть день отъезда. В объёме «свободного Запада» он изначально не стремился (как позже отсюда не стремился на Родину).

Конечно, Советский Союз Бродский покинул популярнейшим поэтом, а в Европу и США прибыл в качестве звезды, в ореоле мученика. Ему выхлопотали место преподавателя в Мичиганском университете. И это при том, что Бродский не имел не только педагогического, но и просто высшего образования, как и вообще способностей к преподаванию. Его «лекции» представляли собой простые беседы по душам со студентами. И вот за эти душевные беседы он получал неплохие деньги. Понятно, что всё это делалось неспроста.

Из Бродского усиленно лепили политическую фигуру. Этим занимались как собратья-эмигранты вроде Волкова, которым непременно хотелось, убеждая Бродского, убедить и себя, что они поступили правильно, покинув Родину. Этим занимались и представители западного истеблишмента. Изменилось бытие — изменилось и сознание, так что Бродский быстро «поплыл» в сторону заурядного антисоветизма с джентльменским набором пропагандистских клише.

Заметьте, что Нобелевскую премию Бродскому сочли возможным вручить только в 1987 году, когда он уже окончательно «дозрел». Его нобелевская речь была выдержана в «правильном ключе»: восхваление капиталистической «демократии» в противовес тому самому тоталитарному «бульдозеру», частных интересов в противовес интересам общества.

Выступление начиналось словами: «Для человека частного и частность эту всю жизнь какой-либо общественной роли предпочитавшего, для человека, зашедшего в предпочтении этом довольно далеко — и в частности от родины, ибо лучше быть последним неудачником в демократии, чем мучеником или властителем дум в деспотии, — оказаться внезапно на этой трибуне — большая неловкость и испытание».

До своей идеологически выдержанной нобелевской речи Бродский успел наговорить ещё много чего: довольно грубо высказывался против ввода советских войск в Афганистан, хотя советские войска были приглашены туда законно избранным афганским правительством для помощи в борьбе с исламскими экстремистами, святость борьбы с коими ныне провозглашает «всё прогрессивное человечество».

И наряду с этим Бродский успел восславить американское вторжение во Вьетнам, а также порабощение индейцев испанскими колонизаторами — просто на том основании, что индейцы-де были дикарями и приносили человеческие жертвы:

Всё-таки лучше сифилис, лучше жерла единорогов Кортеса, чем эта жертва.

Ежели вам глаза суждено скормить воронам, лучше, если убийца — убийца, а не астроном.

Вообще, без испанцев вряд ли бы им случилось толком узнать, что вообще случилось.

По мнению Бродского, дикари-индейцы должны быть благодарны испанским и прочим захватчикам и поработителям, ибо колонизаторы несли с собой «цивилизацию». Надутому лицемеру Бродскому следовало бы помнить, какое насилие и какой геноцид благословлял его собственный иудео-христианский бог Ягве, повелевший евреям завоевать Палестину и поголовно истребить всё местное население, состоявшее из множества племён.

Бог сказал военачальнику евреев Иисусу Навину: «Итак, встань, перейди через Иордан сей, ты и весь народ сей, в землю, которую я даю им, сынам Израилевым. Всякое место, на которое ступят стопы ног ваших, я даю вам, как я сказал Моисею: от пустыни и Ливана сего до реки великой, реки Евфрата, всю землю Хеттеев; и до великого моря к западу солнца будут пределы ваши... Вот я повелеваю тебе: будь твёрд и мужествен, не страшись и не ужасайся; ибо с тобою Господь, Бог твой, везде, куда ни пойдёшь» (Нав. 1:2—4, 9).

Вот такой холокост, если верить Библии, учинили евреи в Палестине, «побив всё дышащее» (там же, 11:11). Обращаю эти строки к Бродскому как к еврею и как к христианину. Имеет ли моральное право иудей и христианин осуждать какие-либо примитивные народы за кровавые жертвоприношения, не обратив сперва внимание на бревно в собственном глазу? Ведь их бог, как справедливо

отметил заслуженный учёный С. А. Токарев, «по части неутолимой кровожадности превзошёл и ацтекского Уитцилопочтли, и финикийского Молаха»¹³.

И тот же надменный взгляд колонизатора-европейца, а в сущности — пошляка и обывателя, присутствует в «Мексиканском дивертисменте» и «Мексиканском танго» поэта.

Думается, если бы Бродский не умер в 1996-м, он успел бы воспеть и бомбардировки Югославии, и вторжение в Ирак, и ещё множество других «гуманитарных интервенций». Возвышенная отстранённость и презрительное наплевательство Бродского при более пристальном рассмотрении оказываются принятием стороны победителей. Нейтральность — это всегда поддержка статус-кво.

Сразу ли после эмиграции или чуть погодя Бродский заболел европоцентризмом — идеологией, провозглашающей превосходство европейских народов и западноевропейской цивилизации над другими народами и цивилизациями? Бог весть, но служит он этой идеологии усердно.

Даже на смерть маршала Георгия Жукова отозвался стихотворением, в котором выразил западно-мещанский взгляд на Вторую мировую и на роль советского народа в ней. Бродский именует Жукова трупом и рифмует с лошадиным крупом, подчёркивает, что его «меч был вражьих тупей» (это, видимо, опять про то, что «воевали с черенками от лопат», хотя советская оборонная промышленность была одной из самых развитых в мире). И далее: «Сколько он пролил крови солдатской в землю чужую! Что ж, горевал?»

Простите, но война есть война, и вообще-то советские люди воевали, гибли и проявляли чудеса героизма не потому, что их погнал под пули Жуков или кто-то ещё. Люди лили свою кровь сознательно: защищали свою землю, свои семьи, а кое-кто и коммунистические идеалы. В то время как для Бродского историю вершат цари и полководцы, а народ — это пушечное мясо.

И какую альтернативу предлагает Бродский, с притворным сожалением говорящий о пролитой крови? Сдаться на милость захватчиков-нацистов? Уж они убивали бескровно — просто душили в газовых камерах, вешали и жгли. Где же в стихах Бродского осуждение варварской и захватнической политики фашизма? «Полный провал». Ах да, ведь гитлеровцы несли на восток цивилизацию, европейские ценности! А вот то, что «восточные варвары» «смело входили в чужие [европейские] столицы», это Бродского коробит.

Пьедестал для хулигана

Что же стало с вечным фрондёром, диссидентом и скандалистом? Когда он успел превратиться в одописца западных империй и одновременно в фиגляр, отпускающего угодные толпе шуточки? Клим Жуков вполне справедливо вопрошает: «Эти фрондёры... яркие, необычные личности — чем они занялись, когда оказались за границей? Где их фрондёрство-то всё? Где фрондёрство Солженицына? Где великолепные выходки Бродского? Почему он не стал заниматься этим всем (если он против системы) в США?»

Михаил Берг тоже отмечает: «Бродский... несомненно, возмутитель спокойствия, его поведение также выламывается за рамки, но не столько приличий, сколько установлений. Непризнанный гений — и одиозное, претенциозное, амбициозное поведение»¹⁴. Вот только он забывает объяснить, почему за границей Бродский вдруг сделался совершенно беззуб и даже угодлив по отношению к европейскому обывательскому сознанию. Критиковать СССР, живя в нём, — это позиция; а ругать СССР, живя за границей, — это, извините, профессия.

Пожалуй, одним из немногих, кто обратил внимание на отрицательную эволюцию Бродского оказался Дмитрий Быков (Лурье лишь туманно отметил, что «его стихи семидесять годов похожи на ранние не более... чем снег — на дождь»¹⁵).

Хотя я крайне негативно отношусь к творчеству Быкова и писал об этом, в нижеследующем я вынужден с ним согласиться: «В огромном корпусе сочинений Бродского поразительно мало живых текстов... Едва ли сегодняшний читатель без усилия дочитает „Шествие“, „Прощайте, мадемуазель Вероника“ или „Письмо в бутылке“ — хотя, несомненно, он не сможет не оценить „Часть речи“, „Двадцать сонетов к Марии Стюарт“ или „Разговор с небожителем“: лучшие тексты ещё живого, ещё не окаменевшего Бродского, вопль живой души, чувствующей своё окостенение, оледенение, умирание».

Выходит, что Бродский приехал из «бездушного» СССР ещё живым, чтобы медленно окостенеть на «свободном» Западе. И ведь абсолютно идентичная судьба была уготована многим. Например, тому же Тарковскому, снявшему свои лучшие вещи под «иглом» советской цензуры, а отнюдь не на чужбине.

Но я говорю не только о творческой деградации, а ещё об интеллектуальном и нравственном падении Бродского.

Михаил Берг описывает плачевный финал эволюции поэта: «Постепенно Бродский из задушевного собеседника и, возможно, наиболее читаемого самиздатского поэта, из „нашего питерского человека“ с подпольной биографией и одного из родоначальников „второй культуры“ в глазах многих превратился в литературное начальство,

13. Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М.: Издательство политической литературы, 1976. С. 361.

14. Берг М. Указ. соч.

15. См. Лурье С. Указ. соч. С. 10.

решающее судьбу грантов и стипендий. Он стал одним из символов перестройки, который как-то легко прибрали к рукам вознесённые на перестроечной волне постаревшие шестидесятники»¹⁶.

Подобный взгляд на творчество Бродского позволяет лучше понять то, что говорят о нём другие критики. Вслушаемся в слова уже упомянутого здесь Самуила Лурье: «Отчуждение было для молодого Бродского единственным доступным, единственным осуществимым вариантом свободы. Поэтому разлука — с жизнью, с женщиной, с городом или страной — так часто репетируется в его стихах. Необходимо заметить, что свободу эту — от жизни, от времени, от страсти — Бродский добывает не только для себя; скорее он проверяет на себе её воздействие и возможные последствия».

Конечно, либерал Лурье всеми руками за «свободу» и против «страны»: он пишет «Государство» с большой буквы — для него это сказочный великан с единой злой волей, гоббсовский Левиафан. Но, даже говоря о жизни Бродского, он вынужден поставить страну и жизнь в один ряд, противопоставив им свободу и смерть. Бродский был духовно жив, пока сохранял связь со своей страной. А ведь эта страна — не какая-то мифическая Россия, которая существовала в головах советских диссидентов-неонационалистов и о которой можно было даже с большей лёгкостью грезить в эмигрантских ресторанчиках, а вполне реальный СССР.

Бродский *обязан* своим талантом советскому строю, советской культуре, советскому менталитету. Без них он — величина, стремящаяся к нулю.

Бродский как сверхчеловек

Теперь давайте обсудим, каковы же были, собственно, взгляды Бродского, какие идеи он выразил в своём творчестве. Жуков с Семёным уличили поэта в элитаризме, индивидуализме, животном социальном расизме.

Самовозвеличивание, поза гения, которую принимал Бродский, в быту приводила к надменности, а в творчестве вынуждала «жить в состоянии поэтического фальшета»¹⁷.

Действительно, Бродский настаивал, что «равенство... исключает братство», утверждал, что «Маркс в производстве не вяжет лыка» (см. его «Речь о пролитом молоке»). Но в своём неприятии коммунистической идеологии, пусть даже в её сталинизированном варианте, Бродский забегает далеко вправо — к биологическому расизму и отрицанию идеи прогресса.

В одном из интервью он так и заявил: «Я придерживаюсь теории, что на эволюционной лестнице человечества тоже нет равенства. Это мне впервые пришло в голову, когда я слушал одну из речей покойного Брежнева. Что не все люди — люди. Потому что если он — человек, то я — нет.

Мы находимся на разных ступенях эволюции. Мы, грубо говоря, разные особи. Считается, что эволюция закончилась и всё застыло. Но одни виды человеческих особей пытаются уничтожить другие виды. На то и созданы законы, чтобы жизнь определялась не принципом выживания сильнейшего, а принципом сосуществования разных видов. Чтобы не было необходимости одним уступать место другим»¹⁸.

Спору нет, Брежнев в период старческого мажора производил отталкивающее впечатление. Но повод ли это делить людей на биологические виды и провозглашать между ними войну? Бродский, само собой, записывает себя в представители высшего биологического вида, несмотря на свои фобии, заикание и диагноз «шизоидная психопатия». И, презрительно вытолкнув прочих на «низшую» ступень, объявляет себя жертвой их агрессии. Такая постановка вопроса не нова. С этого начинали нацисты: с объявления себя жертвами евреев, а своей агрессии — самозащитой, естественной борьбой за выживание.

Справедливо отметил Дмитрий Быков: «Бродский разрешает нам презирать». А Лурье невольно проясняет эту мысль: «Стихи [Бродского] описывали недоступный для слишком многих уровень духовного существования»¹⁹.

Презрение к обывателям, к их мелкой жизни сквозит во многих произведениях поэта. И конечно, обыватель, мещанин достоин презрения. Вот только на чём же основывает Бродский своё право на презрение? Взглянем на стихотворение «24 декабря 1971 года»:

В Рождество все немного волхвы.

В продовольственных слякоть и давка.

Из-за банки кофейной халвы
производит осаду прилавка
грудой свёртков навьюченный люд:
каждый сам себе царь и верблюд.

Сетки, сумки, авоськи, кульки,
шапки, галстуки, сбитые набок.
Запах водки, хвои и трески,
мандаринов, корицы и яблок.
Хаос лиц, и не видно тропы
в Вифлеем из-за снежной крупы.

Совершенно отчётливо обывательские праздничные заботы противопоставляются религиозному смыслу праздника. Далее на этой антитезе и строится стихотворение. Вот они, презренные мещане: дерутся из-за банки халвы и позабыли о Вифлееме!

16. *Берг М.* Указ соч.

17. Там же.

18. Интервью с Иосифом Бродским // Московские новости №50, 23–30 июля 1995 г.

19. См. *Лурье С.* Указ. соч. С. 5.

И ведь отлично известно, что и сам Бродский был не прочь и по части халвы, и по части выпить, и по части прочих нехитрых удовольствий. Просто мешанский гедонизм он дополняет некоторыми интеллектуальными наслаждениями, а конкретно — чтением художественной литературы.

Ведь очевидно, что Иисус и Богоматерь являются для него не воплощением нравственных или религиозных ценностей (прихожанином Бродский вовсе не был), а литературными персонажами. С таким же успехом в других своих произведениях Бродский противопоставляет обыденности мир мифов Древней Эллады. Итак, тот, кто читает книги, автоматический перестаёт быть обывателем.

И только-то? Из этого поэт складывает себе недостижимый пьедестал? А ведь кое в чём Бродский вместе со своим лирическим героем явно ущербен и убог по сравнению с обывателем. Например, те самые, празднующие с халвой и без Вифлеема, зачастую трогательно привязаны к своим родным, готовы многим жертвовать для них. Бродский же довольно равнодушен к родным и близким. В его стихах не сыщешь горячих отцовских или сыновних чувств.

Бродский превозносит себя над «толпой», но читателя как бы приглашает возвыситься вместе с ним. И это было бы прекрасно, если бы не включало в качестве обязательного элемента презрение к менее развитым и «одухотворённым».

Читатель оказывается в ситуации подданного голого короля: если он не убедит себя в том, что он понимает и обожает стихи Бродского, то он окажется «со всеми», в толпе, на низшем уровне духовного существования и даже эволюции, то есть недочеловеком. Нет, он обязан считать Бродского гениальным, обязан любить и «понимать» даже самые неудачные (особенно самые неудачные) стихи поэта. Если же кто-то критикует Бродского, то он просто унтерменш.

Такая логика льстит и запугивает одновременно. Знал я некоторых поэтов, которые, вдохновляясь судьбой Бродского, стремились подражать ему: нигде не работали, сидели на шее у «родственников», которые... кормили и всё покупали» (см. «Июльское интермеццо» Бродского), даже в литературной сфере не проявляли особенного трудолюбия.

Бродский как продукт

Подражатели поэта просто не понимают, что возможность такой фигуры, как Бродский, была обусловлена особенной исторической обстановкой, и повторить его судьбу им никак не удастся.

Трепетное отношение на Западе к эмигрантам из СССР было возможно лишь в ситуации «холодной войны», да и то при условии принятия эмигрантом условий игры: бесконечных публичных выступлений против советского строя, советской политики и идеологии, против коммунизма и всего, что

с этим связано, и, соответственно, восхваления западной «демократии», капитализма, буржуазных ценностей и т. д.

Но и в самом Союзе тоже можно было тунелдствовать вволю. С этим, конечно, боролись, но именно потому, что тепличные условия советской плановой системы, начиная где-то с шестидесятых годов, допускали такое паразитарное существование. Никто не голодал, граждане были воспитаны в духе коллективизма, а потому всегда готовы были обогреть и накормить бесприютного поэта или художника.

Диссидентские воспоминания полны рассказов о житье в каких-нибудь пустующих детских садах или на каких-нибудь лыжных базах, питании при каких-нибудь общественных столовых. Добра было много, и за ним особенно не следили. И чего бы не поделиться с ближним, если всё вокруг общественное? Попробовали бы те диссиденты понищенствовать сегодня, в условиях частной собственности, когда за каждую хлебную крошку идёт грызня, когда даже раздачу просроченной еды голодным прибирают к рукам бюрократические и коммерческие структуры.

Наконец, антикоммунистически настроенных диссидентов из либерального ли, из православно-монархического ли лагеря в послевоенном СССР карали несравнимо мягче, чем тех, кто позволял себе критиковать «линию партии» с коммунистических позиций. Можно это объяснить тем, что монархисты и либералы не вторгались в поле коммунистической идеологии, или тем, что переродившиеся вожди СССР уже сами перестали быть коммунистами и прониклись либеральным или черносотенным духом.

Как бы то ни было, но под бдительным оком партии гасились всякие попытки творческого развития марксизма. Достаточно вспомнить о разгроме книги академика Варги «Основные вопросы экономики и политики империализма», о сворачивании дискуссий об азиатском способе производства, о том, как были оттерты и обречены на молчание философы Михаил Лифшиц и Эвальд Ильенков. И при этом под крылом комсомола грелись и вокруг издательства «Молодая гвардия» кормились советские «новые правые».

Помимо официальных запретов, работал и простой печальный фактор: большинство искренних и идейных коммунистов было физически уничтожено в годы сталинских чисток и Великой Отечественной войны. Сталин и Гитлер сделали своё дело. Так что осуждение культа личности и «оттепель» естественным образом дали дорогу не столько коммунистам, сколько их оппонентам. На идеологическом поле советские либералы скрестили шпаги с советскими националистами. Коммунистических, левых альтернатив советской идеологии практически не было.

Можно сказать, что между советским строем и строем мыслей диссидентов, включая Бродского, была органическая связь.

Бродский как консерватор

О чём спорили советские либералы и консерваторы? Например, о прогрессе. Советские либералы утверждали, что верят в прогресс. При этом понимали они прогресс не в духе марксовской или даже гегелевской диалектики, а в духе философов-просветителей—линейно-механистически. На этом держалось и представление о математической неизбежности коммунизма как суммы чисто технических усовершенствований: будет построено ещё столько-то заводов, космодромов и электростанций—и наступит коммунизм.

Консерваторы же, как и полагается, смотрели не вперёд, а назад. Их не интересовало будущее. Писатели-деревенщики печаловались об исчезающей деревне, вздыхали по красоте церквей и вековой народной мудрости. Они отвергали всё новое и всё иностранное. Бродский также постоянно подчёркивал, что не верит в прогресс. И в этом смысле он совершенно чужд классической буржуазной западной идеологии.

Неужели его западные кураторы проглядели, насколько Бродский, в сущности, враждебен либеральным идеалам? Или их настолько ослепил антисоветизм, что они готовы были приласкать абсолютно любого эмигранта и диссидента?

Дело в том, что семидесятые годы стали периодом правого разворота в самих США, а затем и в Европе, и во всём капиталистическом мире. Победное шествие неолиберальной идеологии сдвигало официальную идеологию и культуру капиталистических стран далеко вправо. Французская *буржуазная* революция уже не вызывала у французского официоза восторга, а Декларация независимости США ошибочно принималась американскими обывателями за коммунистическую пропаганду.

Западная буржуазия распростилась с идеалами своей молодости. Случайно или нет, но этот процесс последовал за сворачиванием «оттепели» в СССР.

Сёмин же и Жуков, как люди в истории дремуче невежественные, видят в советском диссидентстве, естественно, заговор, естественно, троцкийский. Жуков заявляет, что Бродского (и Солженицына) «специально в качестве оружия зарядили, чтобы обеспечить будущий контрреволюционный переворот готовыми страдальцами и мучениками». Сёмин: «Он попал в оттепелевский мейнстрим, попал в струю».

Что пытаются этим сказать ролевик и блогер? Что Хрущёв задумал развалить Советский Союз, дабы вырвать у себя из-под задницы трон? Это сродни сталинским обвинениям в том, что

Троцкий, будучи вторым человеком в стране, подрабатывал шпионом немецкой разведки. Господам Жуковым и Сёминым не понять сложный, противоречивый ход истории.

Историк Вадим Роговин даёт более глубокое понимание «оттепели»:

«В последующей борьбе за лидерство победу одержал Хрущёв, инициатор линии на десталинизацию. Однако процесс десталинизации СССР, казалось бы, обнаруживший способность советской системы к самоочищению от язв сталинизма, был прерван новым „коллективным руководством“, свергнувшим Хрущёва.

Глубинной причиной этой затянувшейся на два десятилетия прерывности было состояние правящей партии. Она была настолько обескровлена сталинскими репрессиями и настолько подавлена гнётом партаппарата, что оказалась неспособной к самообновлению, превращению в жизнедеятельный организм и выдвиганию из своих рядов политических деятелей большевистского типа.

Тоталитарный режим, рухнувший со смертью Сталина, оставил многочисленные метастазы, которые привели к новым формам перерождения советского общества, а затем—к крушению его социалистических основ»²⁰.

Одним из пробных шаров по сворачиванию «оттепели» и стал процесс над Бродским. Мир поехал вправо, начался демонтаж демократических завоеваний двадцатого века. Но ведь Бродский и сам выступает против этих завоеваний и воспекает косматую старину! Давайте продолжим рассмотрение мировоззрения поэта.

Одиночество, свобода, смирение

Пожалуй, наиболее яркими чертами поэзии Бродского являются пессимизм и чувство одиночества. Лурье утверждает, что острое переживание одиночества связано с силой стремления поэта к свободе: «Человеку не дано другой свободы, кроме свободы от других. Крайний случай свободы—глухое одиночество, когда не только вокруг, но и внутри—холодная, тёмная пустота»²¹.

Действительно, строки об одиночестве можно найти практически в каждом стихотворении Бродского. Взять, к примеру, «Июльское интермеццо», в коем слышится «Без женщин» Вертинского:

Как хорошо, что некого винить,
Как хорошо, что ты никем не связан,
Как хорошо, что до смерти любить
Тебя никто на свете не обязан.

Однако критик излишне торопится со своим безапелляционным «не дано другой свободы». То,

.....

20. Роговин В. Сталинский неонэп. М.: 1994. С. 169.

21. См. Лурье С. Указ. соч. С. 13.

что описывает Лурье,—это негативная свобода, «свобода от». Но ведь бывает и положительное понимание свободы—«свобода для». Свобода от других нужна поэту для творчества. Но если по завершении творческого акта не лишит поэта этой свободы, то она мигом оборачивается несвободой—отсутствием возможности с кем-то своим творением поделиться.

Пусть это, наконец, поймут все подражатели и последователи Бродского.

Пессимизм? Да, Бродский, безусловно, пессимист. Хотя бы потому, что его взгляд обращён в прошлое. Вещи и люди начинают интересовать его лишь тогда, когда они умирают или покидают его. Бродский противопоставляет свой пессимизм оптимизму, слыше декретированному оптимизму:

Глаголы без существительных. Глаголы—просто.

Глаголы,
которые живут в подвалах,
говорят—в подвалах, рождаются—в подвалах
под несколькими этажами
всеобщего оптимизма.

Каждое утро они идут на работу,
раствор мешают и камни таскают,
но, возводя город, возводят не город,
а собственному одиночеству памятник воздвигают.

Однако знаете, в этом что-то есть. Как пелось в детской песенке, кстати, советской: «Каждый делает что хочет, у людей довольный вид: кто желает, тот хохочет, кто желает, тот грустит». В периоды, когда силы реакции топчут подлинные источники счастья людей, а масскулы при этом рисует людям улыбки до ушей, пессимизм выглядит более здоровым состоянием, если борьба не представляется возможной. Впрочем, Бродский тут не открыл ничего нового: аналогичную позицию занимал Пушкин после разгрома декабрьского восстания, а также Герцен и Гёте.

Такое умонастроение называется резиньяцией. Шопенгауэр определяет его как избавление от воли к жизни, но не вследствие величайшего личного страдания, а вследствие нравственного прозрения, пробудившего чувство единства с миром. Лифшиц сближает резиньяцию с религиозно-аскетическим смирением перед неотвратимым ходом вещей²². Если ты не видишь возможности бороться, то постарайся разглядеть в неприглядном положении вещей некий высший смысл. Очевидно, и сам Лифшиц избрал такой путь.

Для Гегеля способом примирения с действительностью стал его «мировой дух», максима «всё

действительное разумно» (позже Белинский и Маркс придадут этой максиме революционный смысл), а для Лифшица—материалистическая идея единства познающего субъекта и познаваемой им материи.

Подобное умонастроение в наши дни стало чуть ли не лейтмотивом всей отечественной поэзии. Авторы находят утешение и примирение с действительностью либо в зубоскальстве, злой иронии, либо в религиозном (или близком к религиозному) примирении с действительностью.

Обоготворённый язык

А что же выступает способом такого примирения у Бродского, что позволяет ему идти «мимо ристалищ и капищ, мимо храмов и баров»?

Бродский подчёркнуто метафизичен, надмирен, но в его религии есть нечто напускное, натужное. Истинным богом Бродского был не евангельский Иисус и не ветхозаветный Саваоф—для него они лишь литературные персонажи, а язык. Поэзия Бродского—это служение языку и при помощи языка. Он восхищался фразой Уистена Одена: «Время... боготворит язык». В его нобелевской лекции звучит важное признание: «кто-кто, а поэт всегда знает <...> что не язык является его инструментом, а он—средством языка». И ещё:

Всё, что творил я, творил не ради я
славы в эпоху кино и радио,
но ради речи родной, словесности.
(«1972 год»)

Это тоже вполне в духе времени. С шестидесятых годов набирают популярность идеи структуралистов: Барта, Фуко, Леви-Стросса и др. Структуралисты, а за ними и постструктуралисты, ставили превыше всего язык, считали его основной и последней реальностью. Лингвистическая философия действительно весьма удобный способ примирения с действительностью—она безопасна и политически стерильна. Но дело в том, что подобная философия ещё и творчески бесплодна.

Бродский не создаёт новых персонажей, не творит новые образы, он лишь снова и снова интерпретирует и комбинирует чужие. Вполне в соответствии с духом времени Бродский вступил в эпоху постмодернизма и растворился в ней, как в кислоте.

Впрочем, модернизм и постмодернизм—лишь разные лики буржуазного искусства. И к Бродскому вполне можно применить обращённую к буржуазному художнику девятнадцатого века фразу Михаила Лифшица: «Он насквозь проникнут рефлексией и знает лишь холодную страсть ко всем эпохам и стилям. Всё привлекает его и вместе с тем ничто в особенности». Так что творчество Бродского в соответствии с этим духом «оказывается миром стилизации, парафраз, индивидуальной ловкости и своеобразия»²³.

22. Лифшиц М. Очерки русской культуры. М.: Академический проект; Культура, 2015. С. 68.

23. Лифшиц М. Маркс // Литературная энциклопедия. Т. 6. 1932.

Почему они не выбрали Галича?

Я бы противопоставил Бродскому Александра Галича. Вот кто должен, по-хорошему, быть кумиром наших поэтов. Если угодно, он даже более критически настроен по отношению к советскому строю, неистово обличает сталинизм и не прижимается к наследникам Сталина. Галич открыто и неустанно нападает на советский быт и советскую культуру, но делает это последовательно и с достаточно твёрдой нравственной позиции: он разоблачает ложь, двуличие, показуху.

При этом Галич борется не за себя, как Бродский, а за простых людей, которым живётся трудно, рассказывает о трагической судьбе других литераторов.

Творческим достижением Бродского считают совмещение низкого и высокого стилей: языка советских коммуналок с языком классической поэзии. Но это совмещение успешно осуществил Галич, причём у него оно гораздо более оправданно и осмысленно. Галич бичует равнодушие и интеллектуальную ограниченность обывателей, героями его стихов и песен часто становятся заключённые и лагерная охрана.

У Галича грубо выражаются персонажи, с которыми автор себя не ассоциирует, у Бродского же грубые выражения смакует сам лирический герой.

Тюремный и обывательский мир Галич сталкивает с высшими материями: в вертеп к новорождённому Иисусу приходит некто в кавказских сапогах, классики российской и советской литературы оказываются в руках следователей и т. д.

Галич искренне верит в Бога, того самого церковного христианского Бога, которому надо ставить свечки и петь аллилуйю.

Галич также был затравлен и изгнан. Кстати, прослушивание его песен каралось суровее, чем чтение стихов Бродского, ведь Галич куда решительнее обличал окружающую действительность. На чужбине Галич не сделался пай-мальчиком и не кинулся петь дифирамбы рыночной демократии. Он быстро рассорился с руководством радио «Свобода», рассорился по принципиальным вопросам, хотя на радио ему платили неплохие деньги.

Ему не стали предлагать Нобелевскую премию: знали, что Галич — человек непослушный. И тем не менее наши интеллектуалы выбрали Бродского. Или выбор был сделан за них? Западным интеллектуальным истеблишментом, комитетом Нобелевской премии.

Звучит парадоксально, но Бродский меньше любил свою Родину, чем Галич, хотя Галич куда смелее и жёстче её критиковал. При этом Бродскому было почти нечего терять — он и без того жил за счёт родственников и друзей, а вот Галичу было. Галич состоял в Союзе кинематографистов,

был членом Литфонда, его пьесы ставились в театрах, по его сценариям снимались фильмы...

Бродский от своей фронды выиграл в материальном плане, но в итоге утратил себя как поэт. А вот Галич потерял всё, но зато поднялся на новую ступень художественной правды. Как бы ни был до невнятности запутан литературный язык Бродского, Галич *сложнее и глубже*.

Как бы жестоко ни обличал Галич советский строй, он был настоящим другом своей страны, поскольку верно диагностировал те болезни, которые в конце концов и свели Союз в могилу. Например, герой песни «Тонечка» предал свою любовь, предал самого себя ради материальной выгоды:

И с доскою будешь спать со стиральной —
За машину его персональную!

Вот чего ты захотел, и знаешь сам,
Знаешь сам, да стесняешься...

Ведь это разоблачение главной смертельной язвы советского строя: общество, провозгласившее себя обществом равенства, оказывается, снова разделилось на богатых и бедных. И в роли богатых оказалась партийная номенклатура. А неравенство одинаково развращает и богатых, и бедных. Но советский официоз «стеснялся» сознаться в этом... вплоть до 1990 года, когда всякий стыд был отброшен вместе с красным флагом.

Хоть Галич и выступает против коммунизма вообще, но он разоблачает советское общество как предавшее собственные коммунистические идеалы.

И герой песни «Красный треугольник» тоже ведь женился именно ради выгоды и потому же заискивает перед своей женой:

Взял я тут букет цветов покрасивее,
Стал к подъезду номер семь, для начальников.
А Парамонова, как вышла — стала синяя,
Села в «Волгу» без меня и отчалила!

А брак по расчёту может быть только там, где нет равенства. Эту болезнь Галич диагностировал точно. Но советский официоз предпочёл лечить её враньём: греметь про «советскую семью образцовую» и проч. За официозом приучилась врать интеллигенция (лишившись права называться таковой), а там и народ. Кстати, если Галич решается описать положительных персонажей современной ему действительности, то он выискивает их на самых нижних этажах общественной иерархии — в простом народе.

Галич обличает советское общество и как общество контрреволюционное, предавшее октябрьские идеалы. Главный герой «Петербургского романа», полковник, вполне в духе приписываемой Черчиллю фразы рассуждает:

Мальчишки были безусы—
Прапоры и корнеты,
Мальчишки были безумны,
К чему им мои советы!?

Лечиться бы им, лечиться,
На кислые ездить воды—
Они ж по ночам: «Отчизна!
Тираны! Заря свободы!»

Общество предало свои идеалы и потому привыкло врать. Где вы найдёте идейных коммунистов в брежневском СССР? Разве что замполит Саблин. И справедливость критики Галича не отменяется тем фактом, что в эмиграции он нашёл ещё больше мешанства, что радио «Свобода» оказалось ещё более жидоедским, чем сталинские борцы с космополитизмом.

Что воплощает Бродский

Подведём итоги. Иосиф Бродский— не бесталаный, но отнюдь не первостепенный поэт, оказавшийся в первых рядах по чисто политическим причинам, лишь косвенно связанным с поэзией. Бродский был сыном своей страны и своей эпохи со всеми вытекающими отсюда плюсами и минусами. Эмиграция не пошла ему на пользу, в отрыве от родной почвы он потерял себя: как поэт оказался не нужен, не смог творчески развиваться вне родной языковой среды, а как нобелевский лауреат оказался поставлен превыше всякой критики, что для поэта— верная смерть.

Для противостояния новым обстоятельствам, новой среде ему не хватило силы, интеллекта и убеждённости.

Не знаю, как насчёт всех людей, но поэтов можно оценивать по трём параметрам:

1. чувство;
2. интеллект;
3. убеждения.

Можно быть интеллектуально и морально слабым автором, но быть поэтом сильных страстей, уметь вызывать в читателях сильные эмоции. Либо, наоборот, можно при сдержанности чувств и не особенной моральной разборчивости всё же изречь глубокие и интересные мысли, открывать людям если не сердце, то глаза. Наконец, можно завоёвывать читателя силой своих убеждений, чистотой своих принципов.

Как правило, эти пункты взаимообусловлены. Но если нет хотя бы одного из этих достоинств, то тут не поможет никакая техническая изощрённость, никакие языковые находки.

Бродский интеллектуально плосок, эмоционально вял и нравственно ущербен, так что все его формальные изыски оказываются румянами для пустоты. Стихи его не лишены приятности: слабым они помогают на время ощутить отрыв от

действительности и в конце концов примириться с нею, но этого мало для того, чтобы считаться настоящим поэтом.

У Галича же присутствует твёрдая принципиальность: неприятие лжи, фальши и несправедливости. Из этого неприятия рождаются страстность и пронзительность его поэзии. Нельзя сказать, что Галич особенно интеллектуален, но порой он оказывается в состоянии высказать то, что не решались озвучить более высокие умы, именно потому, что Галич не боялся идти на открытый конфликт со своим окружением во имя чётко осознанных идеалов.

Бродский же оказался в столкновении с советской системой чисто случайно, ведь этот тип поэта естественным образом произрастал из советской почвы.

Весь мир, оба его лагеря вступили в реакционную фазу: СССР, а за ним и весь Восточный блок, клонился к развалу, разъедаемый либеральными и националистическими веяниями, страны капиталистического центра вступили на путь неолиберального демонтажа «государства всеобщего благоденствия»,—и Бродский был лишь пушинкой, гонимой этим ветром перемен. Он летел вправо вместе со всеми и в каком-то смысле, пусть сумбурно и с заиканием, выразил дух этого времени.

Так что же воплощает для современной публики Бродский? В качестве кого он оказался мил и вознесён?

Для нового поколения литераторов он воплощает успех и признание. Он стал современной Золушкой, пройдя путь от полной безвестности и отверженности к пьедесталу, славе и успеху, увенчанным премиями и званиями. Качество его стихов оказывается фактором второстепенным. Более того, если бы его стихи были ещё хуже, это ещё сильнее бы радовало и ободряло его последователей и заставляло превозносить его. Чем хуже поэт, тем проще с ним себя мерить.

Следует выделить ещё один момент. Почему популярность Бродского столь непомерно раздулась именно в последнее время? Почему он вытеснил из сознания современников даже Вознесенского с Окуджавой? Думаю, это связано с деградацией и развалом институтов художественного творчества в самой России. Скажем, членство в Союзе писателей уже больше ничего не значит, не сулит никаких преимуществ, премии и лауреатства также не сулят ни материальных выгод, ни даже внимания прессы и соотечественников.

Поэтому Окуджава, Евтушенко, Вознесенский, преуспевшие именно в качестве отечественных (советских) поэтов (и уж тем более страдавшие и преследовавшиеся Берггольц, Шаламов и Галич), уже не выглядят в качестве образцов для подражания, по их стопам не придёшь к успеху.

А современные «творцы» по большей части одержимы именно жадной внешней успеха.

Нынче по закону гегемонии уцелели лишь западные культурные институты: получение Нобелевской премии, как бы дискредитировано оно ни было, по-прежнему гарантирует материальное процветание и открывает многие пути. Поэтому получивший Нобелевку Бродский становится всеобщим кумиром. Это является ещё одной приметой эпохи всеобщего упадка культуры, когда культура сохраняется исключительно в самом центре мировой системы.

Аборигенам мировой периферии собственная высокая культура не нужна. У аборигенов должны быть национальные пляски вокруг костра. А поставщиком высокой культуры должен выступать центр. Аборигены должны внимать тем творцам, которых назначит и отметит центр. А на роль мирового центра у нас до последнего времени претендовали США и их младшие партнёры — Европа и Япония. Бродский, вне зависимости от качества

своей поэзии, оказался в роли такого высочайше одобренного творца.

Истинная же ценность всякого поэта (как и любого человека) определяется не тем, сколько денег он загрёб и каких этажей системы он достиг, а тем, какому богу он служит. Для многих поклонников Бродского этим богом является престиж, воплощённый в Нобелевской премии. Для самого Бродского, как мы поняли, это был язык — бог структуралистов и постструктуралистов. Этот бог и не позволяет ему встать вровень с настоящими русскими классиками, богом которых были счастье и свобода человечества.

Если мы признаём этого бога российской интеллигенции, то фигура Бродского не должна заслонять от нас других, более сильных поэтов, которые глубже проникли в суть происходящих событий, а главное, относились к ним не пассивно-созерцательно, а деятельно, творчески, не щадя себя, противостояли наступающему злу и призывали на эту борьбу других.